

ОБРАЗ РОССИИ В ТРАВЕЛОГЕ ЭЛМАРА ШЕНКЕЛЯ "СИБИРСКИЙ МАЯТНИК" ("DAS SIBIRISCHE PENDEL")

© Е.Н.Шевченко

В статье рассматривается образ России в травелоге "Сибирский маятник" современного немецкого писателя Элмара Шенкеля. В результате анализа делается вывод о том, что образ России складывается, с одной стороны, из традиционных, в том числе литературных, мифов, во многом транслируемых самими русскими посредниками и являющимися компонентой их самоидентификации, с другой стороны – из развенчанных и скорректированных стереотипов и с третьей – из неподвзятых наблюдений самого писателя. В результате Э.Шенкелю удается освободиться от устойчивых стереотипов и создать сложный и многогранный индивидуализированный образ России.

Ключевые слова: травелог, национальный концепт, стереотип, миф, Россия, Запад и Восток.

Элмар Шенкель (1953), современный немецкий писатель, переводчик, специалист по английской литературе, живет в Лейпциге, где возглавляет кафедру англистики Лейпцигского университета. Э.Шенкель – автор сборников рассказов "Трещины в стене" (1985), "Блайнау фестиваль" (1987), "Лейпцигские пассажи" (1996), поэтического сборника "Трансформация синевы" (1992), романов "Вестфальский стрелок" (1999), "Медленное вращение" (2009), многочисленных эссе – "Смысл и чувства" (1991), "Г.Уэллс – пророк в лабиринте" (2001) и др. В 2002 году вышла первая публикация писателя на русском языке – рассказы разных лет, объединенные в сборник "Школа забвения", в 2004 году была издана книга "Языковой цирк. Тексты развлекательные и не совсем", а в 2006 году – книга записок и афоризмов "Когда Я опаздывает".

Особое место в творчестве Э.Шенкеля занимают путевые заметки или травелоги: "В Японии. Путевой дневник" (1986), "Улыбка и два вопросительных знака. Индийский путевой дневник" (2001) и "Сибирский маятник" (2005). Последняя книга посвящена путешествиям автора по России в период с 1997 по 2004 годы, т.е. в постперестроечный период. Э.Шенкель описывает свои поездки в Москву, Казань, Нижний Новгород, Воронеж, Калугу, Белоруссию, путешествия по Сибири, Уралу и Волге.

Известно, что в литературе путешествия ведущая роль принадлежит самому путешественнику, автору и повествователю. Образ увиденного будет напрямую зависеть от его позиции, от того, насколько он неподвзят или, напротив, является заложником стереотипов, от того, стремится ли он к созданию объективной картины и делает ставку на непосредственные впечатления, корректирует сложившиеся стереотипы или

ищет подтверждения собственным предрассудкам и предубеждениям.

Э.Шенкель – интеллектуал, человек мира, космополит, большую часть своей жизни проводящий в путешествиях, открытый новому и толерантный. Приезжая в ту или иную страну, он избегает "туристических аттракционов", много общается с людьми, стремится погрузиться в гущу жизни и в результате создать достоверный образ страны и ее народа. Однако, несомненно, что и у такого, казалось бы, претендующего на объективность автора существует определенный горизонт ожидания, определенное представление, сформированное СМИ, литературой и прочими факторами.

Что касается России, то знакомство с ней началось задолго до приезда Э.Шенкеля в страну. По собственному признанию писателя, его первые впечатления связаны с литературой XV-XVI веков, которые еще в юности подвигли его на изучение русского языка. Подчеркивая, что русская литература всегда имела для него огромное значение, среди своих литературных пристрастий Э.Шенкель, в первую очередь, называет Н.В.Гоголя, М.А.Булгакова, О.Э.Мандельштама. Именно литература во многом сформировала представления писателя о стране и, в частности, дала толчок к его путешествию по Сибири. Одновременно писатель хочет освободиться от навязанных ему литературных клише: "Мне хотелось в безлюдные края, в тундру и тайгу Конзалика или Живаго, на край цивилизации, я хотел оказаться вдали от всех книг, от печатного слова... Оно постоянно вводит нас в заблуждение и морочит переживаниями, которых мы лишены. Я хотел в чащу, в Сибирь, чтобы обрести свободу"¹ [1: 61-62].

¹ Здесь и далее перевод мой – Е.Ш.

Сам автор признает, что и западные СМИ настойчиво формируют вполне определенный образ России, вызывающий страх и жалость: "Русские, как мы узнаем из телевидения, в основном, живут плохо. Кроме того, они жестоки, посмотри на Чечню или на то, как они забивают друг друга в армии. У них все замерзает, водопровод плохой, и им нечего есть. Если бы у них только были такие же дороги, больницы и обеспечение, как у нас, они были бы так же счастливы, как и мы" [1: 42].

Однако самая сильная связь Э.Шенкеля с Россией осуществлялась через отца, который во время второй мировой войны воевал на русском фронте, попал в плен и впоследствии много рассказывал сыну о России и русских. Отец передал сыну по наследству следующее представление о русском человеке: "Русский достоин восхищения, опасен, дик, непредсказуем, страстен, ловкий импровизатор, он ближе к земле" [1: 10]. Образ врага, однако, был осенен ореолом не ненависти, а любви. Поэтому, когда на конференции в Глазго профессор Э.Шенкель познакомился с четырьмя образованными и совершенно европейскими дамами, казанскими литературоведами, он с радостью принял приглашение приехать в Казань. Так началась российская Одиссея автора.

Важной фигурой в освоении путешественником незнакомой страны, как известно, является посредник. Поскольку знания русского языка Э.Шенкеля ограничивались немногими обиходными выражениями, именно посредники, в роли которых выступали в основном интеллигенты, представители академической среды, в первую очередь, и формировали его представление об образе жизни русских, их национальном характере, взглядах, привычках и пр. Их роль автор сам подчеркивает на страницах книги: "Местные – это входной билет для чужака, правда, действует он в обе стороны. Без чужака местные многое забыли бы или просто не увидели" [1: 82].

Интересно, что самоидентификация интеллигенции, как правило, несет на себе отпечаток литературности и мифологизации, и особенно это ощутимо, когда приходится "разъяснять" себя иностранцу. В результате миф, бытующий в западном сознании, причудливым образом переплетается с собственным национальным мифом, создавая двойное напряжение. Э.Шенкель зорко фиксирует картины русской жизни, а его друзья и знакомые растолковывают ему ее устройство. Так, Марина, англист из Нижнего Новгорода, через Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского разъясняет ему полюса русского бытия: "Он <Толстой – Е.Ш.> искал гармонии, чтобы вырваться из рус-

ского хаоса. Достоевский в ее глазах воплощает противоположное начало. Он воспевает хаос, русскую душу и ее слабости" [1: 22]. Мать Марины, сибирячка Рита, некогда инженер-машиностроитель, ныне – астролог и экстрасенс, продолжает мысль дочери: "В разнице между Достоевским и Толстым проявляется полярность русской души, разрывающей между хаосом и порядком, между диссонансом и гармонией. Достоевский олицетворяет вечное искушение. Кто читал Толстого и Достоевского и сделал выбор в пользу Достоевского, должен знать, на что идет" [1: 74].

Марина объясняет отсутствие традиции театра абсурда в русской литературе следующим образом: "Это потому, что здесь изначально все абсурдно" [1: 41]. Возвращаясь с прогулки по Раифскому монастырю, Э.Шенкель и казанский литературовед Вера узнают от местных старушек, что автобусы по субботам не ходят, и, когда через несколько минут из ниоткуда внезапно появляется автобус, Вера произносит: "Такие чудеса случаются только в России" [1: 34].

Историк Сергей, муж Марины, знакомит Э.Шенкеля с неким Геннадием, мужчиной с золотыми зубами, начальником железнодорожной станции Линда, представляя его как "настоящего русского": Геннадий когда-то был чемпионом московской области по метанию веса, завоевал кубок, который давно пропил, сейчас он на глазах немецкого гостя купается в ледяной воде, а потом с ветерком мчит его на дачу на своем тракторе, причем выясняется, что он при этом сильно пьян. "Настоящий русский, – одобрительно говорит Сергей, – ... Он такой, в дерево врежется, только если трезвый" [1: 44]; "...Геннадий такой, ему нужен толчок, настоящий русский. Если его не подтолкнуть, ухнет до смерти" [1: 46]. А бабушка Сергея утверждает: "Восемьдесят процентов русских блаженные, святые идиоты, без царя в голове" [1: 46]. Маринин сосед по даче, пожилой человек, похожий на Ельцина, когда-то туристом посетил Потсдам, Дрезден и Магдебург и в каждом городе уничтожил по бутылке водки: "Мы русские оставляем следы: "Здесь я был, здесь я пил" [1: 44].

Особый пласт составляют пословицы и поговорки, с которыми знакомят писателя его русские друзья: "Пока гром не грянет, мужик не перекрестится", "Русский долго запрягает, да быстро едет" и т.д.

Так, благодаря посредникам подтверждается устойчивое представление о хаосе и абсурдности российского бытия, о чуде как важной его категории, о "достойном восхищения, опасном, диком, непредсказуемом, страстном", изобрета-

тельном русском, при этом святом, взыскующем гармонии и истины, ленивом и по большей части пьяном.

Сцены российской действительности, которые наблюдает сам автор, во многом работают на этот образ. В книге описано немало абсурдных ситуаций. Аспирант Виталий показывает Э. Шенкелю Казань, сегодня в 14 часов у него помолвка, в ответ на тревожное напоминание гостя, молодой человек вальяжно отвечает: "Можем не спешить. Без меня все равно не начнут" [1: 12]. Когда автор с друзьями, возвращаясь в город с дачи, идет лесом по направлению к вокзалу, из-за огромной кучи мусора, наваленной под деревьями, появляется пьяный с розой в руках, декламирующий стихи. На алтайской бензоколонке нет бензина. Последний отрезок пути перед Барнаулом представляет собой раздолбанную дорогу, на которой машины теряют детали; на "Мерседесе", на котором едет Э.Шенкель, болтается и вот-вот отвалится выхлопная труба; в довершение они сворачивают на дорогу, по которой проезд запрещен, навстречу им попадает милицкий автомобиль, но милиции "лень связываться с сумасшедшими" [1: 73]. Сибирячка Алла Михайловна печет пироги для похудания и т.д. В российском бюрократическом хаосе, сопровождающем регистрацию иностранного гостя, оформление на таможне купленной картины и прочие процедуры, автор уже и не пытается разобраться.

Зато чудеса происходят с ним в России с завидной регулярностью. Когда после лекции в нижегородском университете у Э.Шенкеля внезапно разболелась спина, астролог Рита заставляет его вспомнить, что он такого произнес во время лекции, что не соответствует истине или является пустой профанацией. Когда профессор с трудом вспоминает случайно оброненную фразу, которую можно было бы не произносить, Рита заставляет его погрузиться в ситуацию и раскаяться. К вечеру спина проходит. Кошка казанской коллеги Маши понимает по-английски. Машина может несколько километров ехать со спущенной шиной. Смысл книги А.М.Горького неожиданно открывается путешественнику после бурной вечеринки, в состоянии сильного опьянения. В Казани открывается новый роскошный концертный зал, но единственное, о чем забыли при строительстве, так это об акустике и т.д.

Находчивость русских обусловлена, в первую очередь, бытовыми трудностями, привычкой к выживанию и отсутствием больших запросов. Автор восхищается тем, что можно, оказывается, обойтись без гостера, просто обжаривая хлеб на сковородке без масла на маленьком огне, можно

вручную выжимать белье, в минуту соорудить в лесу умывальник из пластиковой бутылки, быстро собрать хворост, развести огонь и приготовить на костре отличный ужин, можно разукрасить потолок, постоянно заливаемый соседями, акварельными красками и из безобразных разводов сделать предмет искусства и т.д. Рита по этому поводу заявляет: "Русские переживут атомный удар, потому что, если надо, они могут жить примитивно. Чаще всего, они так и живут. Из России придет духовное обновление, потому что русские очень приспособляемы и осияют прыжок в следующую эру" [1: 64].

Русские в книге Э.Шенкеля предстают гораздо более эмоциональными, раскованными и свободными, чем связанные многочисленными ограничениями представители западной цивилизации. В этой связи автор пишет: "Можно играть словами, собирать грибы и ягоды, ловить рыбу, петь и танцевать, если тебе этого хочется" [1: 32]. Позже он описывает эпизод, когда путешественники, восхищенные богатыми плодами короткого северного лета, самозабвенно исполняют танец в честь моркови и подсолнухов. И в ответ на замечание Нади, одной из участниц экспедиции, "В Германии, должно быть, хорошо, лучше, чем здесь", Э.Шенкель отвечает: "Но мы не умеем вот так, как безумные, танцевать, и подсолнухи у нас гораздо меньше" [1: 89].

Тема пьянства, являющаяся одним из самых стойких стереотипных маркеров русской жизни в западной литературе путешествия, красной нитью проходит и по книге Э.Шенкеля. Причем пьют в России все – от рафинированной интеллигенции до жителей глухой сибирской деревни. Поэт, юрист, дизайнер и физик Стас, провожая гостя на утренний казанский поезд, протягивает ему банку пива со словами: "Если выпьешь с утра, весь день чувствуешь себя счастливым" [1: 19-20]. Не успев прибыть в Казань, писатель оказывается посвященным филологическими дамами в науку выбора "правильной" водки: поскольку на спиртзаводе фильтр меняют по понедельникам, водку надо покупать, произведенную в начале недели. Книга пестрит следующими фразами: "Последняя ночь в Нижнем была опять очень тяжелой: водка, водка, музыка, танцы" [1: 37]; "Водка течет из множества рук" [1: 14]; "Вечерами пирожки, чеснок, водка, пение "По Дону гуляет казак молодой" [1: 26]; стоянка в сибирской тайге: не успев проснуться, гость слышит голос из соседней палатки "Good morning, Germany! Drink now?"; "Проснулся с шумом в голове, слишком много водки пролилось прошлой ночью" [1: 66] и т. д. Создается впечатление, что

первое желание, возникающее у русских при виде иностранца, немедленно его напоить.

При этом Э.Шенкель цитирует озвученные польской славистикой русские национальные концепты "судьба, душа и меланхолия" и выражает с ней свою солидарность. Особое место в книге уделяется религиозности и суевериям русских, что выводит на центральный миф западной культуры, связанный с Россией, – о загадочной и иррациональной русской душе. Посредниками неоднократно озвучивается значимость для русских категории веры, рука об руку с которой идут суеверия. Путешественник вынужден осваивать мудреную науку: если тебе наступили на ногу, наступи и ты, чтобы не поссориться; если упала вилка, жди женщину, нож – мужчину; пустые бутылки не должны стоять на столе; дождь перед дорогой – добрый знак; нужно присесть на дорожку и пр. От своих русских знакомых он узнает, что в смутное время перестройки интерес к оккультизму, экстрасенсорике, эзотерике особенно возрос. В доме у Веры гость наблюдает вполне обыденную здесь сцену – целитель машет руками над головой ее двадцатилетнего сына. Верина коллега филолог Елена объясняет: "В тяжелой экономической ситуации активизируются негативные энергии, например, зависть. Даже если люди того не хотят, они могут нанести друг другу тяжелый душевный урон. Потому нам нужны целители" [1: 11]. Впрочем, директор музея Горького, оказавшийся попутчиком Э.Шенкеля в поезде Казань – Москва, целителей и в грош не ставит, считая ажиотаж вокруг них типичным порождением перестройки: "Смута, декаданс, метафизика" [1: 15]. Но и сам автор, не разделяя суеверий, тем не менее, очень увлекается эзотерикой, алхимией, йогой, буддистскими практиками и пр., оказываясь открыт для альтернативного знания и опыта.

Именно поэтому он решает отправиться в путешествие по Сибири с группой астрологов и экстрасенсов, слушателей эзотерической школы, которой руководит небезызвестная Рита. Это путешествие становится композиционным и идейным центром книги. Не случайно она названа "Сибирский маятник". Это название имеет и буквальное, и метафорическое значение. С помощью маленького "маятника" сибирячка Рита постоянно проверяет энергетику мест, вещей, продуктов питания. Траекторию маятника напоминает и полет на канате через алтайский водопад, ставший для автора главным испытанием, своего рода обрядом инициации, перехода в иное качество и кульминацией путешествия. Это и отсылка к "Сибирскому цирюльнику" – фильму, который показали ему перед отъездом нижегородские

друзья, и – на более глубоком уровне – символ русского бытия, всегда отмеченного мощной амплитудой движения между противоположными полюсами. Путешествие в Сибирь становится для Э.Шенкеля поиском себя, испытанием, обретением свободы и открытием не книжной, а настоящей России.

В своей монографии "Миф России в современной английской литературе" Л.Ф.Хабибулина отмечает, что "Сибирь остается наиболее мифологизированным и наименее освоенным пространством в английской литературе о России" [2: 132]. Пожалуй, это можно сказать и о немецкой литературе. У Э.Шенкеля присутствуют и традиционные маркеры, такие как сибирские просторы, суровый климат, дикие народы (спивающиеся якуты), рассказы о медведях, отсылки к текстам предыдущих путешественников. Но есть и живые следы большой и малой истории, деревни, в которых жили Титов и Шукшин, музеи и покосившиеся деревянные избы, сектанты и меннониты, сельские библиотекари и бывшие офицеры, удивительные взаимоотношения человека с природой и бесчисленное количество человеческих историй, расширяющих жесткие рамки стереотипа до живых, полнокровных фрагментов реальности.

В своей книге Э.Шенкель рассматривает географические, климатические, бытовые, социальные, политические, культурные, ментальные и исторические реалии русской жизни. Причем последние связаны как с далеким, так и с недавним советским прошлым. Таким образом, путешественник осуществляет перемещения не только в пространстве, но и во времени. Созданной писателем образ постперестроечной России характеризуется следующими реалиями: атмосфера смутного времени, повсеместная торговля, передел собственности, приватизация государственных предприятий, криминальная обстановка, война в Чечне, материальные трудности, жертвы режима, после перестройки объявленные святыми, и т.д. Он соткан из рассказов посредников, анекдотов про новых русских и личных наблюдений автора.

Вместе с тем Э.Шенкель корректирует сложившиеся стереотипы, заданные западными СМИ. Отмечая, что официальные новости о России вызывают почти исключительно жалость и отвращение, писатель критически замечает: "Сосредоточенность СМИ на двух аспектах российской жизни раздувает их до такой степени, что не остается места для того, как русские переживают свои будни, свои радости и горести, как они относятся к трудностям. А они черпают силу из вещей, о которых мы уже забыли, например, из

отношений с природой. Они еще непосредственно наслаждаются плодами земли..." [1: 42]. По поводу жалости Э.Шенкель приводит слова астролога Риты: "Ах, пожалейте лучше самих себя! Мы во многих отношениях счастливее вас. Кроме того, вера – огромное пространство, которого запад лишен. У нас есть мужество, потому что мы доверяем Создателю" [1: 76]. В этих словах в очередной раз звучит важная тема книги: оппозиция западного и восточного (российского) мира.

Свою книгу Э.Шенкель завершает художественным образом Казани: "Ты спрашиваешь себя: что есть Казань? И отвечаешь: фата моргана, кузница, инкубатор, плавильный котел в провинции. Это место, находящееся в непрестанном движении, невероятно динамичное, точка, в которой сходятся различные части света, религии, культурные традиции, – по сути, это планета" [1: 231]. Во многом это определение применимо и к образу России, представленному в травелоге.

В результате мы приходим к следующему выводу: образ России в травелоге Э.Шенкеля складывается, с одной стороны, из традиционных, в том числе литературных, мифов, во многом транслируемых самими русскими посредниками и являющимися компонентой их самоидентификации, с другой стороны – из развенчанных и скорректированных стереотипов и с третьей – из непредвзятых наблюдений самого автора. В любом случае, это удачная попытка освободиться от устойчивых стереотипов и создать сложный и многогранный индивидуализированный образ России.

1. *Schenkel E.* Das sibirische Pendel. – Eggingen: Literaturverlag Isele, 2005. – 231 s.
2. *Хабидуллина Л.Ф.* Миф России в современной английской литературе. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 205 с.

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE TRAVELOGUE *SIBERIAN PENDULUM* BY ELMAR SHENKEL

E.N.Shevchenko

The article deals with the image of Russia in the travelogue *Siberian Pendulum* by the modern German writer Elmar Shenkel. In the course of the analysis the author makes the conclusion that it is built on the one hand on the traditional myths including literary ones to a great extent transmitted by Russian intermediaries themselves which are the part of their self identification, on the other – on the dethroned and corrected stereotypes, on the disinterested observations of the author himself. As a result the author manages to get rid of established stereotypes and create a complex, versatile and individualized image of Russia.

Key words: travelogue, national concept, stereotype, myth, Russia, West, East.

Шевченко Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: elenachev@mail.ru

Поступила в редакцию 17.05.2011